

УДК 930.1(091):94(100)"1914/19"

СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КАМПАНИИ «БОРЬБЫ С НЕМЕЦКИМ ЗАСИЛЬЕМ» В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В. М. Кириллов

Российский государственный профессионально-педагогический университет, 620012, Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11
history_vmk@mail.ru

Анализируются достижения отечественной историографии, посвященной кампании «борьбы с немецким засильем», развернувшейся в России в годы Первой мировой войны. Выявлены основные этапы этой историографии и концептуальные подходы исследователей. Отмечены повышенный интерес к этой теме на рубеже XX и XXI вв. и вместе с тем фрагментарность в ее изучении. Слабыми местами в историографии являются отсутствие сравнительного анализа подобных кампаний в разных странах, неполное представление о состоянии антинемецких настроений, малая степень изученности реакции российских немцев на репрессивную политику.

Ключевые слова: германофильство, «немецкий вопрос», антинемецкие стереотипы, этнофобия, концепция «политики населения», кампания «борьбы с немецким засильем», ликвидационные законы, депортация, лояльность.

С момента образования Германской империи отношение к немцам, в массе своей прибывшим в Россию после манифеста Екатерины II 1763 г., в корне изменилось. К началу Первой мировой войны общество было готово к негативному восприятию немецкой диаспоры, а война привела к реализации репрессивных акций против нее. Проблема «немецкого влияния» надолго стала предметом исторических исследований и дискуссий, довольно часто ее использовали для политических спекуляций [Соболев, 1998].

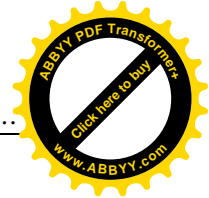
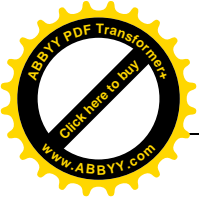
Первая обстоятельная работа, посвященная кампании «борьбы с немецким засильем» появилась еще в 1916 г. [Линдеман, 1916]. Тогда она была уникальным явлением на фоне обличительных антинемецких произведений. В 1920-х гг. советская историческая литература и публицистика, применяя классовый подход, обличали царизм в репрессиях против немецкой общины и в то же время подчеркивали «врожденную» нелояльность зажиточной части общины к советскому строю. При этом причины антинемецких гонений времени войны не анализировались [Нелипович, 1999, с. 370, 245]. Большое внимание уделялось деятельности «германской партии» и стремлению царизма к заключению сепаратного мира [Семенников, 1929].

По мнению современных исследователей, к началу Большого террора сложилась устойчивая карательная традиция в отношении советских немцев, а тайная полиция сформулировала начиная с середины 1920-х гг. концепцию «немецкой пятой колонны» в СССР, послужившую для политического руководства СССР обоснованием массовых репрессий в отношении советских немцев [Этноконфессия..., 2009, с. 8–9, 10–11, 55]. Создано историографическое клише, в соответствии с которым «следовало рассматривать немцев на русской военной службе как исключительно враждебных агентов» [Нелипович, 1999, с. 371, 246]. Явно заказное произведение на эту тему вышло из-под пера руководителей Главархива СССР [Никитинский, Софинов, 1942].

В конце 1960-х гг. вновь проявился интерес к проблеме. В работе В. С. Дякина рассмотрен один из элементов антинемецкой кампании – действие «ликвидационных законов» [Дякин, 1968, с. 227–238]. Темы коснулись Г. Х. Манджгаладзе в диссертации и М. Ф. Флоринский в монографии [Манджгаладзе, 1970; Флоринский, 1988].

Сегодня историография проблемы насчитывает десятки работ, особенно активно пополнялась она с 1990-х гг. [Айсфельд, Бруль, 1999; Баах, 2002; Кадол, 2011, с. 122–130]. Однако и современные исследователи констатируют фрагментарное изучение темы борьбы с «немецким засильем» в России, отсутствие комплексного обобщающего труда [Шубина, 2012].

Кампания борьбы с «немецким засильем» не возникла спонтанно в годы Первой мировой войны, у нее была предыстория. Одной из причин ее является тезис о закономерном процессе, про-

исходящем с образованием национальных государств, об унификации народов многонациональных государств вокруг преобладающей коренной национальности. Согласно реформе 1871 г. немецкие колонисты потеряли свой особый статус и обязаны были нести военную службу. С. Г. Нелипович подчеркивает: «Потеряв сословный характер, колонисты приобретали в то же время национальное лицо, сливались для правящих кругов со всеми немцами вообще, тем более что этот процесс совпал по времени с образованием Германской империи... Это-то обстоятельство и способствовало появлению иного взгляда на российских немцев...» [Нелипович, 2000, с. 366].

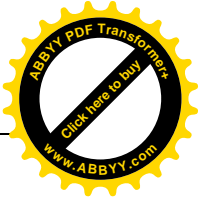
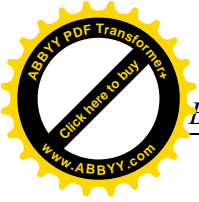
Курс на национализацию империи был взят при Александре III. Нужно было «либо отказаться от национальной самобытности по схеме “самодержавие–православие–народность”, либо покинуть страну добровольно, пока это не сделали власти насильственным путем, подведя соответствующую “идеологическую” базу». Этим был дан толчок работе «по созданию негативного общественного мнения в отношении российских немцев» [Там же, с. 373, 367]. А Первая мировая война лишь обнажила правительственную установку.

Тезис Нелиповича подтверждают материалы разработки так называемой «политики населения» в дореволюционной военной статистике. Как отмечает П. Холквист, «...начиная с 80-х гг. XIX в. военная статистика все чаще приписывала отличительные характеристики различным “элементам”, из которых якобы состояло население, для того чтобы подчеркнуть необходимость этнической однородности... В своем учебнике по военной статистике для Академии Генерального штаба 1885 г. Золотарев заявил, что население России в целом может быть признано благонадежным. Но “этого далеко нельзя сказать, если начать рассматривать расселение различных племен по территории нашего отечества и степень надежности жителей наших окраин...” Во втором томе, приступив к описанию западного приграничья, Золотарев не оставляет сомнений относительно того, какие именно элементы следует считать ненадежными: это евреи, немцы и поляки..., военная статистика не просто описывала “население”. Она также предлагала решение выявленных “проблем”» [Холквист, 1999, с. 87–91].

С. И. Бобылева и А. Айсфельд полагают, что «...“немецкий вопрос”, возникнув в 70-е гг. XIX в. на страницах российской прессы и со временем получивший название “мирное завоевание” немцами России, практически уже и не исчезал с орбиты внутривнутриполитической жизни страны», а «...созданная в 1885 г. комиссия для ознакомления с положением колонистов сделала выводы, которые совпадали с аргументацией творцов “ликвидационных законов” 1914–1916 годов, т. е. подобное обоснование появилось в официальных документах правительства почти за три десятилетия до начала первой мировой войны» [Айсфельд, 2000, с. 33–36; Бобылева, 2004, с. 55].

О состоянии антинемецких настроений в предвоенный период свидетельствует весьма ограниченный круг исследований, и это можно считать одним из существенных пробелов в отечественной историографии. Доказательства разработки правительственными органами антинемецкой политики втайне от общественности не являются исчерпывающими. Сформулированы, в частности, следующие тезисы: после появления новых немецких поселений на Волыни в 1880-х гг. образованные слои русского общества стали проявлять беспокойство по поводу водворения немцев в России; поиск национальной идентичности в России конца XIX в. вел к отрицанию «немецкого» как «чужого» и даже враждебного; к предыстории борьбы с «немецким засильем» относится русификация немецких колонистских школ в 1880–1890-х гг.; недовольство немцами выросло после торгового договора 1904 г. с Германией и усилилось с началом Балканских войн 1912–1913 гг. [Айсфельд, 2005; Савинова, 2008]. Отмечается, что мотив опасности немецкого завоевания звучал в образованном русском обществе все сильнее, однако в среде российского простонародья в это время царил добродушно-ироническое отношение к немцам, враждебности к ним не было [Бахтурина, 2013]. Интересный анализ проблемы проведен С. В. Баахом [Баах, 2002]. Он утверждает, что в деятельности Государственной Думы до начала войны «немецкий вопрос» не приобрел политического звучания, «...немецкое население находилось в более привилегированном положении и расценивалось как элемент, лояльный к правящему режиму и не стремящийся к политической самоорганизации» [Баах, 2007, с. 190, 198].

По мнению И. Г. Соболева и А. Н. Шубиной, правительство предпочитало сохранять нейтралитет в ответ на призывы покончить с «немецким засильем» по ряду причин: из-за сильных позиций германофилов в гражданской и военной бюрократии, боязни войны с Германией, которую считали «кратчайшим путем к революции» [Соболев, 1998; Шубина, 2012].

Как хорошо известно, война является катализатором самых негативных проявлений человеческой психики, многочисленных страхов-фобий, в том числе ксенофобии и ее разновидности – этнофобии. Обострение отношений с подданными и выходцами из стран, противоборствующих в военном конфликте, характерно для всех государств и обществ – участников Первой мировой войны. Не осталась исключением и Российская империя. Как отмечает С. В. Баах, «образ врага народа – “германца”, возникший в ходе межгосударственного столкновения и волей судеб переброшенный на немцев-российских подданных, на некоторое время заслонила другие этнические фобии, витавшие в умах общественности» [Баах, 2005, с. 235].

Отечественные историки солидарны в оценке причин антинемецкой истерии. В интерпретации А.Н.Шубиной они сводятся к следующим: «Тесное экономическое сотрудничество двух стран в довоенное время, приведшее к значительной, а иногда и подавляющей роли немцев в отдельных отраслях промышленности, существенная роль Германии во внешней торговле России... Вызывала опасение и почти двухмиллионная численность немцев-колонистов, сохранивших родной язык, национальные обычаи и отличавшихся определенной замкнутостью. Чрезмерно настороженные “патриоты” усматривали коварный замысел германского правительства в расположении поселений колонистов вдоль границ, дорог, железнодорожных путей, а также нередко вблизи от крупных заводов или оборонительных крепостей.

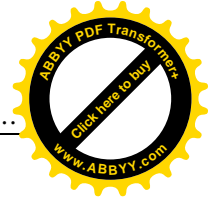
В немцах-колонистах стали видеть форпост для наступления германской армии, в многочисленных немецких служащих и коммерсантах – разветвленную шпионскую сеть, а в распространенности в России достижений немецкой культуры и науки – попытку покорить русский народ духовно, отчаявшись победить силой оружия» [Шубина, 2012].

С началом войны «германофильство» отступило на задний план, теперь «лозунг ликвидации “немецкого засилья” в экономической жизни приобрел для самодержавия особую актуальность ввиду напряженной внутривластной ситуации в стране. Во-первых, по мнению правящих кругов, этот лозунг должен был привлечь на сторону правительства среднюю и мелкую буржуазию, которая получала, таким образом, возможность избавиться от конкурентов германского происхождения, обеспечить властям поддержку широких буржуазных слоев, желавших усиления покровительства со стороны “верхов” собственно русской промышленности. Во-вторых, борьба с “германизмом” сулила соблазнительные перспективы и в аграрной сфере, так как путем ликвидации обширного землевладения немцев-колонистов правительство получало шанс хоть как-то попытаться решить вопрос о земле, не затрагивая при этом святая святых – интересы русских помещиков. В-третьих, раздуваемая в пропагандистских целях борьба с “германизмом во всех сферах жизни” должна была также способствовать формированию у населения шовинистических, урапатриотических настроений» [Соболев, 1998].

Огромное значение, по мнению М. В. Лыковского, приобрела правоконсервативная идеология, которая подпитывала своими идеями и правящий режим. Он пишет: «Специфика понимания правыми смысла войны заключалась в том, что те усматривали его в изгнании из России всего иностранного... Неприемлемость западного варианта развития, поиски рецепта строительства “национальной экономики” с сохранением традиционных социально-экономических и политических устоев привели к усилению антибуржуазной направленности мышления консерваторов...» [Лыковский, 2006].

По мере углубления в тему исследователям удалось сформировать общее представление об антинемецкой политической акции. Оно сформулировано А. Германом: «“Борьба с немецким засильем” – ряд дискриминационных актов в отношении немцев России на государственном уровне: запрет всех немецких общественных организаций, немецкоязычных изданий, публичного общения на немецком языке; ликвидация немецкой топонимики в районах компактного проживания народа; экспроприация земельных владений лиц немецкой национальности в западных и кавказских губерниях; частичная депортация немецкого населения из прифронтовой полосы; использование военнообязанных немцев с 1915 г. лишь на турецком фронте (большинство во вспомогательных частях); антинемецкие погромы в Москве, Киеве, Екатеринославе, Саратове и др. городах» [Герман, 1999].

Хронику основных мероприятий антинемецкой кампании по работам отечественных историков полностью реконструировать нам не удалось. Для этого пришлось обратиться к первоисточникам [История..., 1993, с. 36–55].

В работах большинства исследователей подчеркивается, что именно борьба с немецким землевладением стала «краеугольным камнем всей антигерманской политики в России». Каковы же итоги этой длительной кампании?

В Крестьянском банке хотели сосредоточить 2 млн. десятин земли немецких колонистов, но к январю 1917 г. купили только 145 тыс. десятин. Основной удар пришелся на немецких колонистов, так как немецкие помещики получили льготы. К весне 1916 г. на ликвидируемых колонистских землях местные власти отмечают недосев. Поэтому Совет министров узаконил решение о сохранении земли колонистам на срок до двух лет.

Архивные материалы свидетельствуют о незначительном количестве немецких владений, подвергнутых отчуждению в Петроградской, Тифлисской и иных губерниях, зятянутости мероприятий в Сибирском регионе, где они проводились без массовой поддержки населения, пассивно. Отмечается, что «причина такого положения, по всей видимости, заключалась в трезвой оценке хозяйственной роли немецких хозяйств в Сибири, которые в большинстве своем носили показательный в культурном отношении характер» [Кижасева, 2004, с. 305]. О. В. Ерохина на материале области войска Донского делает вывод: «В ходе проводимой экспроприации недвижимого имущества был нанесен существенный ущерб не только колонистским хозяйствам, но и экономике тех регионов, где она проводилась...» При этом пострадали в основном мелкие землевладельцы, а не помещики [Ерохина, 2007, с. 220]. Анализируя деятельность российского парламента, С. В. Баах заключает, что, «несмотря на активность обсуждения “немецкого вопроса”, депутатами так и не были приняты решения по реализации крайних мер в отношении немецкого населения, ухудшавшие его положение. Все ограничительные законы, действовавшие на территории Российской империи на протяжении 1914–1917 гг., утверждались Советом Министров на основании “чрезвычайной” статьи 87 Основных Законов без участия в этом парламента» [Баах, 2007, с. 190, 198].

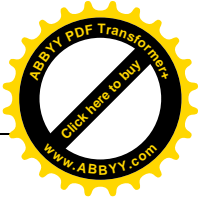
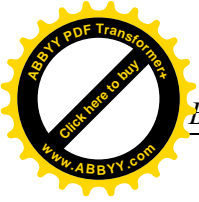
Значительное место в работах ученых отведено вопросу депортации российских немцев. Считается, что всего было перемещено около 200 тыс. чел. С. Г. Нелипович полагает, что такова численность депортированных немцев из Царства Польского, а авторы статьи в энциклопедии российских немцев говорят о таком числе депортированных с учетом их на территории Прибалтики, губерний, пограничных с Польшей, и т.п. А. Айсфельд приходит к выводу: «Идея о депортации всех немцев из европейской части Российской империи за Урал, выдвигавшаяся с 1915 г., в конечном счете, не была реализована. После Февральской революции 1917 г. наметилась тенденция к отмене актов о массовых депортациях». В энциклопедической статье о депортации утверждается: «Десятки тысяч из них (депортированных. – В. К.) погибли во время многомесячного пути и в местах выселения» [Айсфельд, Бруль, 1999, т. 1]. Эта цифра представляется нам завышенной, что свидетельствует о малой изученности проблемы депортации.

Согласно О. В. Безносовой, «апогей антигерманской кампании пришелся на 1915 г., когда были закрыты немецкие и русские баптистские и адвентистские общины в Харькове, Севастополе, Екатеринославе», а «...зачинателями травли последователей “немецких вероучений” выступало, как правило, именно православное духовенство, в немалой степени дававшее идеологическую подпитку действиям полиции и жандармерии» [Безносова, 2005, с. 226].

А. Н. Шубина отмечает, что законодательные акты антинемецкой кампании, с одной стороны, вызывали воодушевление в обществе, с другой – раздражение в связи с замедленной их реализацией. И, что еще более важно, «...естественные патриотические чувства и необходимые в военных условиях меры столкнулись с принципом верховенства законности...», защитой неприкосновенного принципа частной собственности [Шубина, 2012].

После Февральской революции 1917 г. произошла отмена национальных и вероисповедных ограничений, было разрешено использовать родной язык в частных учебных заведениях. Но и до этого в истории антинемецкой истерии, как отмечает И. В. Черказьянова, в военные годы «на правительственном уровне не принимались специальные законы или указы о закрытии колонистских либо других типов школ... Стремление некоторых политических сил вообще ликвидировать немецкую школу, полностью запретить немецкий язык не получили поддержки в обществе и в министерстве просвещения. Полный запрет школ затрагивал бы и конфессиональные интересы немцев... Школа была лишена родного языка преподавания, но его оставили для уроков собственно немецкого языка и Закона Божьего» [Черказьянова, 2000, с. 71–96].

Поучительна судьба одного из центральных органов осуществления антинемецкой кампании

– Особого комитета по борьбе с немецким засильем. Как считает И. Г. Соболев, он был «...лишен реальной власти из-за мелочной опеки Совета министров... Именно такой “связанный по рукам и ногам” орган и был необходим правительству, которое, с одной стороны, стремилось пожать лавры “борца с германским влиянием”, а с другой стороны, не решалось вести последовательную ликвидацию “германизма”...» [Соболев, 1998].

Большая часть историков либеральной ориентации солидарны в своих выводах об огромном ущербе, нанесенном антинемецкой кампанией периода войны немецким колонистам и народу России в целом. Реализация данного бесперспективного курса нанесла сильный экономический и этико-моральный удар по гражданам из числа российских немцев. Как отмечает Д. Г. Решетов, «за короткий период времени немецкие колонисты западных окраин России превратились из прежних хозяев в “переселенческий элемент” – людей без земли, без постоянных занятий и без определенного будущего» [Решетов, 1998, с. 194].

После 1917г. «...при отсутствии государственной программы возвращения, “возвращенцы” во многих случаях заставляли свои дома либо разрушенными, либо занятыми другими жильцами; они не получали от властей никакой компенсации за причиненный им ущерб. Эти обстоятельства способствовали распространению среди колонистов эмиграционных настроений, в результате чего многие из них выехали в Германию или страны американского континента» [Айсфельд, Бруль, 1999, т. 1].

Вполне убедителен вывод О. В. Безносовой об отрицательных психологических последствиях антинемецкой кампании: «Пресс недоверия, враждебности и злобы коснулся не только собственно немецкого населения. Он калечил души всех, кто жил в его атмосфере, порождая горечь в сердцах одних, злорадство и враждебность – у других» [Безносова, 2005, с. 228].

На протяжении почти всей войны велась дискуссия о лояльности/нелояльности немецких колонистов. Проходит она и в современной отечественной историографии. Не останавливаясь на праворадикальных оценках, приведем более умеренные аргументы.

Например, А. В. Воронежцев, в целом соглашаясь с тезисом С. Г. Нелиповича о безусловной лояльности немцев России и существовании «государственной установки на признание всех немцев нелояльными», другие его тезисы считает «умозрительными». В их числе – неприятие С. Г. Нелиповичем мнения об «онемечивании» прибалтийских народов; утверждение о том, что посредством ликвидационных законов правительство России стремилось решить земельный и национальный вопрос; вывод о том, что «российский немец уже потому считался “подозрительным”, что был немцем».

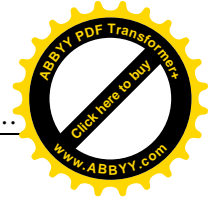
Характерен итоговый вывод А. В. Воронежцева: «...Думается, что в современных условиях подавляющее большинство государств неизбежно прибегнет к превентивным или репрессивным мерам против выходцев из враждебных государств в случае масштабного конфликта, несмотря на декларируемую толерантность» [Воронцев, 2002, с. 71–94]. Этот вывод свидетельствует о псевдопатриотической позиции автора и является ненаучным применительно к современному политическому контексту.

По мнению Т. Черновой, «современная историография преодолела многие ограничения... и затронула морально-психологический аспект “соприкосновения менталитетов”, взаимоотношений потомков колонистов и меннонитов с окружающим населением, с правительственной администрацией на местах, в условиях борьбы с “немецким засильем”» [Чернова, 2005, с. 237]. Она считает, что «прямым следствием глухого недовольства и внутреннего несогласия с проводившимся курсом политики самодержавия было истощение толерантности и полная утрата немцами лояльности к царю» [Там же, с. 240].

В целом ряде работ историков приводятся многочисленные факты патриотической деятельности российских немцев, в которой выделяются два направления: обязательные поставки продовольствия фронту и благотворительная помощь фронту.

Согласно Д. Г. Решетову, упреки российских немцев со стороны ура-патриотов не имели основания, так как колонисты Нижнего Поволжья никогда не отделяли свою судьбу от судьбы своей родины – России, оказав ей в трудные 1914–1917 гг. посильную помощь [Решетов, 1998].

Закономерно встает вопрос о последствиях кампании «борьбы с немецким засильем» не только по отношению к российским немцам, но и к политической судьбе России в целом. Современные исследователи сумели подняться на более высокий и продуктивный уровень теоретическо-

го мышления, чем их предшественники. Так, А. Н. Шубина в своей диссертации задается вопросом «Может ли поиск объединяющей национальной идеи (актуальной и сегодня) происходить на почве неприязни к инородцам?» [Шубина, 2012].

А. Н. Кадол констатирует печальные последствия эксплуатации идеологии «немецкого засилья» российским государством и обществом. Он подчеркивает: «...Зачастую роль мотивационного фактора в реализации этих мероприятий играла политическая лояльность/нелояльность (воображаемая и поэтому совершенно недопустимая с моральной и юридической точки зрения) [Кадол, 2013]. Региональные власти «провоцировали развитие в обществе всеобщей шпиономании, поощряя надзор, доноительство и банальную клевету. Все это сопровождалось усилением полицейского контроля над немецким населением, запретом немецких обществ, немецкого языка, притеснением священников и пастырей, кампанией разоблачения мнимых заговоров, поиском среди поселений баз германской армии и др. шпионских мистификаций. Репрессивные акции, раз начавшись, уже трудно было остановить...» [Там же]. Были сфабрикованы дела о гигантских шпионских организациях в разных регионах страны. Маниакальный страх вражеских агентов «окутал всю Россию». Исследователь констатирует: «Такая ситуация была порождена обвалом ментальных ценностей... Обществу не хватало реального патриотизма, способного объединить весь народ, поскольку русский патриотизм периода войны имел преимущественно “транспарантный” характер... Практическое воплощение своеобразной национально-патриотической идеи предложила политическая полиция» [Там же]. В проекте руководителей департамента полиции развивалась концепцию немецкого шпионажа, что на практике грозило установлением полицейской диктатуры в стране.

И. Г. Соболев отмечает: «Не само по себе устранение “германского влияния”, а громкая шумиха вокруг него в большей степени интересовала идеологов ликвидационной политики. Не имевшая объективных экономических причин и трагичная по своим последствиям – именно так следует охарактеризовать широко проводившуюся в России в годы первой мировой войны кампанию по борьбе с так называемым “немецким засильем”» [Соболев, 1998].

Несколько иной позиции придерживается А. Н. Шубина. С ее точки зрения, чтобы опасаться «немецкого засилья» в России, были объективные предпосылки, которые в условиях обострения национальных чувств и шпиономании стали казаться поистине чудовищными признаками мирного захвата страны противницей. Германский капитал занимал сильные позиции в российской промышленности, финансах и торговле. Значительным было количество немцев-колонистов в приграничных зонах. А характерная для военного времени нервозность способствовала развитию шпиономании...» [Шубина, 2012].

В конечном счете, мы солидарны с М. В. Лыковым в том, что «война стала испытанием для российской общественно-политической и экономической систем, показав их неэффективность в новых условиях и поставив правых перед выбором между их консерватизмом и патриотизмом, стремлением сохранить традиции и ценности аграрного общества и необходимостью модернизации для эффективного противостояния вызовам Запада. Несмотря на различные попытки найти компромисс между ними, правые так и не смогли решить эту дилемму.

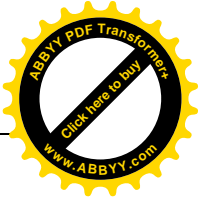
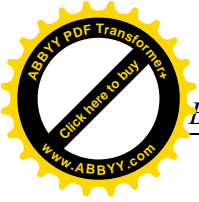
Большевики удачно смогли переформулировать антимодернизационные, антикапиталистические настроения масс из традиционных этнических категорий в классовые» [Лыков, 2006].

В заключение можно сделать следующие выводы. Историография проблемы весьма обширна и своей актуальностью привлекает внимание десятков исследователей. Наиболее плодотворным периодом в ее изучении явились 1990–2000-е гг., когда был сделан настоящий прорыв в ней. В последнее время защищены ряд интересных диссертаций, написаны статьи, в которых содержится аналитический материал о состоянии антинемецких настроений в правительстве, разных слоях общества, политических партиях, частично реконструировано отношение российских немцев к происходящему [Бахтурина, 2013; Оболенская, 2014; Савинова, 2008; Шубина, 2012].

В ряду несомненных достижений в области разрешения современной историографической проблемы, по нашему мнению, можно назвать ряд обоснованных тезисов.

Предпосылки антинемецкой кампании сложились еще при Александре III в связи объединением Германской империи и курсом на национализацию Российской империи. Война лишь обнажила общественную и правительственную установку.

Выявлены причины антинемецкой истерии, главной из которых была напряженная политическая ситуация в стране, требовавшая патриотического сплочения.

Исследователям удалось сформировать представление о конкретных проявлениях анти-немецкой политической акции. Работы современных ученых прояснили ситуацию с отчуждением немецких земельных владений. Отмечено их малое количество и отсутствие массовой поддержки населением этой акции во многих регионах страны.

Выявлены незначительная роль российского парламента и Особого комитета по борьбе с немецким засильем в антинемецкой кампании и решающая роль в ней Совета министров, который, в свою очередь, не стремился вести настоящую борьбу против ликвидации «германизма».

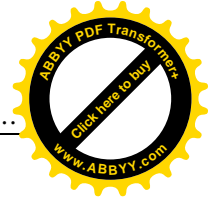
Большая часть историков солидарны в признании огромного ущерба, нанесенного анти-немецкой кампанией периода войны немецким колонистам и народу России в целом.

В конечном счете, в годы Первой мировой войны традиции и ценности аграрного общества, отраженные в идеологии правых консерваторов и массовом народном сознании, столкнулись с необходимостью модернизации России. Нерешенность этой дилеммы помогла большевикам представить антимодернизационные настроения масс в классовых категориях.

В качестве наиболее слабых мест современной отечественной историографии можно выделить следующие: фрагментарно изучена тема борьбы с «немецким засильем» в России, отсутствует комплексный обобщающий труд; практически не изучено соотношение мер антигерманской кампании в сравнении с мерами самой Германией и западных стран-союзниц России; существует весьма ограниченный круг исследований, посвященных антинемецким настроениям в предвоенный период в обществе и правительстве; недостаточно полно реконструирована хроника основных мероприятий антинемецкой кампании; неглубоко освещена проблема депортации; не завершена дискуссия о лояльности/нелояльности российских немцев; практически не изучена реакция самих российских немцев на произвол общества и власти.

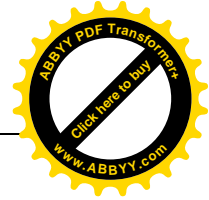
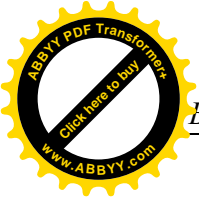
Библиографический список

- Айсфельд А.* Рец. на кн.: Соболев И. Г. Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2004. 176 с.; Рос. немцы: Науч.-информ. бюллетень. 2005. № 1–2 (41–42).
- Айсфельд А., Бруль В.* Депортации // Немцы России: энцикл. М., 1999. Т. 1.
- Алишина Г. Н.* Критерии выявления «внутренних врагов» в Российской империи в годы Первой мировой войны // Два с половиной века с Россией. М., 2013.
- Баах С. В.* «Немецкое засилье»: идея борьбы с «внутренним» немцем в деятельности общественных и государственных учреждений Российской империи // Рос. немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности. М., 2005.
- Баах С. В.* Трансформация содержания «немецкого вопроса» в контексте деятельности Государственной Думы. 1906–1917 гг. // Рос. государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений (XVIII–XXI вв.). М., 2007.
- Баах С. В.* Немецкий вопрос в Государственной Думе (1906–1917): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2002.
- Бахтурина А. Ю.* «Лучше пусть немцы разорятся, чем будут шпионить»: немцы-колонисты и российское общество в годы «германской» войны // Новый исторический вестник. М., 2013. № 35(1). URL: www.nivestnik.ru/2013_1/06.shtml (дата обращения: 15.01.2014).
- Безносова О. В.* «Борьба с немецким засильем» и жизнь религиозных общин Юга Российской империи (1890–1917 гг.) // Рос. немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности. М., 2005.
- Бобылева С. И.* «Немецкий вопрос» в оценке российского общественного мнения второй половины XIX в. // Ключевые проблемы истории рос. немцев. М., 2004.
- Воронежцев А.* Немецкие колонисты в Поволжье в годы Первой мировой войны // Немцы России: соц.-экон. и дух. развитие (1871–1941 гг.). М., 2002.
- Герман А. А.* Антинемецкие кампании // Немцы России: энцикл. М., 1999. Т. 1.
- Дякин В. С.* Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засиления // Первая мировая война: 1914–1918. М., 1968.
- Ерохина О. В.* Действие «ликвидационных» законов в немецких поселениях Области Войска Донского в 1915–1916 гг. // Рос. государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений (XVIII–XXI вв.). М., 2007.
- История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). М., 1993.
- Кадол А. Н.* «Немецкий вопрос» в России как проект концепции «политики населения», 1914–1917 гг. // Вопр. германской истории. Днепропетровск, 2011.

- Кадол А. Н.* Доктрина немецкого шпионажа в этнополитике царизма в период Первой мировой войны и роль жандармско-полицейских властей в «немецком вопросе» (на материалах южных губерний Российской империи) // Два с половиной века с Россией. М., 2013.
- Кижаева Т. А.* Дискриминация немцев России в годы Первой мировой войны // Ключевые проблемы истории рос. немцев. М., 2004.
- Линдеман К. Э.* Законы 2-го и 13-го февраля (об ограничении немецкого землевладения в России) и их влияние на экономическое состояние Юга России. М., 1916.
- Лыкосов М. В.* Проблема развития России в русской консервативной печати в годы Первой мировой войны, июль 1914 – февраль 1917 г.: дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2006. URL: www.dissercat.com/.../problema-razvitiya-rossii-v-russkoi-konservativnoi-pechati-v-gody-pervoi-mirovoi-voiny-iyul (дата обращения: 15.01.2014).
- Манджгаладзе Г. Х.* Немецкие колонисты в Закавказье: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1970.
- Мартиросян Д. Г.* Российские немцы на Кавказском фронте Первой мировой войны // Рос. немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности. М., 2005.
- Нелипович С. Г.* В поисках «внутреннего врага»: депортационная политика России (1914–1915) // Первая мировая война и участие в ней России. 1914–1918. М., 1994. Ч. 1.
- Нелипович С. Г.* Немцы на российской военной службе: исторический и историографический феномен // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. М., 1999.
- Нелипович С. Г.* Проблема нелояльности российских немцев в конфликтах XX в.: историография вопроса и круг источников // Немцы России и СССР. 1901–1941 гг. М., 2000.
- Никитинский И. И., Софинов П.* Немецкий шпионаж в России во время войны 1914–1918 гг. М., 1942.
- Оболенская С. В.* Образ немца в народной культуре XVIII–XIX вв. // Журнал Самиздат. 2004. URL: www.samlib.ru/o/obolenskaja_s_w/obraz.shtml (дата обращения: 15.01.2014).
- Плохотнюк Т. Н.* Действие «ликвидационных» законов на Северном Кавказе в 1915–1917 гг. // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. М., 1999.
- Решетов Д. Г.* Немецкие колонисты западных губерний России, депортированные в Поволжье в годы Первой мировой войны // Миграционные процессы среди российских немцев: ист. аспект. М., 1998.
- Савинова Н. В.* Российский национализм и немецкие погромы в России в годы Первой мировой войны: 1914–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008. URL: www.dissercat.com/.../rossiiskii-natsionalizm-i-nemetskie-pogromy-v-rossii-v-gody-pervoi-mirovoi-voiny-1914-1917-g (дата обращения: 15.01.2014).
- Семенников В. П.* Романовы и германские влияния во время мировой войны. Л., 1929.
- Соболев И. Г.* Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998. URL: <http://www.dissercat.com/content/borba-s-nemetskim-zasilem-v-rossii-v-gody-pervoi-mirovoi-voiny#ixzz3IhkU6zCa> (дата обращения: 15.01.2014).
- Флоринский М. Ф.* Кризис государственного управления в России в годы первой мировой войны (Совет министров в 1914–1917 гг.). Л., 1988.
- Холквист П.* «Тотальная мобилизация и политика населения» // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. URL: voencomuezd.livejournal.com/66428.html (дата обращения: 15.01.2014).
- Черказьянова И. В.* Вопрос о судьбе немецкой школы Российской империи в годы Первой мировой войны // Немцы России и СССР. 1901–1941 гг. М., 2000.
- Чернова Т. Н.* Проблема лояльности и толерантности российских немцев в годы Первой мировой войны // Рос. немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности. М., 2005.
- Шрадер Т. А.* Результаты аграрной политики царского правительства в Петроградской губернии в годы Первой мировой войны // Миграционные процессы среди российских немцев: ист. аспект. М., 1998.
- Шубина А. Н.* Отношение власти и общества к проблеме так называемого немецкого засилья в России в годы Первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. URL: www.hist.msu.ru/Science/Disser/Shubina.pdf (дата обращения: 15.01.2014).
- Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е гг.: эмиграция и репрессии / сост. и научн. ред. А. И. Савин. Новосибирск, 2009.

Дата поступления рукописи в редакцию 15.01.2015

CONTEMPORARY NATIONAL HISTORIOGRAPHY ON THE CAMPAIGN OF “THE FIGHT AGAINST GERMAN DOMINANCE” DURING WORLD WAR I

V. M. Kirillov

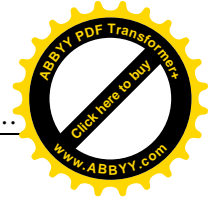
Russian State Vocational Pedagogical University, 620012, Ekaterinburg, Mashinostroitelej st., 11, Russia
history_vmk@mail.ru

The paper analyses the achievements of national historical studies of the campaign against German domination which was held in Russia during the First World War. It was found that anti-German views went back to the formation of the German Empire. The author identifies the five basic stages of historiography on the issue from the early 20th century and conceptual approaches formulated by the researchers. The author notes the increased attention to the issue at the turn of the 20th and 21st centuries when dozens of researches covering various aspects of repressive policies (such as their causes, organizational features and content, views in the Government and society, the results of the campaign, the reaction of Russian Germans, the condition of their loyalty to the Russian state) appeared. The author states the fragmentation of the studies and the absence of a comprehensive research. Among weak points of the current studies on the problem there are: lack of a comparative analysis of similar campaigns in different countries; little understanding of the state of anti-German views in the pre-war period; insufficiently complete reconstruction of the chronicles of the anti-German campaign; superficial coverage of the problem of deportation; incomplete discussion of loyalty / disloyalty of Russian Germans and a small degree of scrutiny of their response to repressive policies.

Key words: Germanophilism, “German question”, anti-German stereotypes, ethnophobia, concept of “population policy”, campaign of “the fight against German domination”, liquidation laws, deportation, loyalty.

References

- Aysfel'd A. Rets. na kn.: Sobolev I. G. Bor'ba s «nemetskim zasil'em» v Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny. SPb., 2004. 176 s. *Ros. nemtsy: Nauch.-inf. byulleten'*. 2005. № 1–2 (41–42).
- Aysfel'd A., Brul' V. Deportatsii. *Nemtsy Rossii: entsikl.* M., 1999. T. 1.
- Alishina G. N. Kriterii vyyavleniya «vnutrennikh vragov» v Rossiyskoy imperii v gody Pervoy mirovoy voyny. *Dva s polovinoj veka s Rossiey.* M., 2013.
- Baakh S. V. «Nemetskoe zasil'e»: ideya bor'by s «vnutrennim» nemtsem v deyatelnosti obshchestvennykh i gosudarstvennykh uchrezhdeniy Rossiyskoy imperii. *Ros. nemtsy v inonatsional'nom okruzenii: problemy adaptatsii, vzaimovliyaniya, tolerantnosti.* M., 2005.
- Baakh S. V. Transformatsiya soderzhaniya «nemetskogo voprosa» v kontekste deyatelnosti Gosudarstvennoy Dumy. 1906–1917 gg. *Ros. gosudarstvo, obshchestvo i etnicheskie nemtsy: osnovnye etapy i kharakter vzaimootnosheniy (XVIII–XXI vv.).* M., 2007.
- Baakh S. V. Nemetskiy vopros v Gosudarstvennoy Dume (1906–1917): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Omsk, 2002.
- Bakhturina A. Yu. «Luchshe pust' nemtsy razoryatsya, chem budut shpionit'»: nemtsy-kolonisty i rossiyskoe obshchestvo v gody «germanskoy» voyny. *Novyy istoricheskiy vestnik.* M., 2013. № 35(1). URL: www.nivestnik.ru/2013_1/06.shtml.
- Beznosova O. V. «Bor'ba s nemetskim zasil'em» i zhizn' religioznykh obshchin Yuga Rossiyskoy imperii (1890–1917 gg.). *Ros. nemtsy v inonatsional'nom okruzenii: problemy adaptatsii, vzaimovliyaniya, tolerantnosti.* M., 2005.
- Bobyleva S. I. «Nemetskiy vopros» v otsenke rossiyskogo obshchestvennogo mneniya vtoroy poloviny XIX v. *Klyuchevye problemy istorii ros. nemtsev.* M., 2004.
- Voronezhtsev A. Nemetskie kolonisty v Povolzh'e v gody Pervoy mirovoy voyny. *Nemtsy Rossii: sots.-ekon. i dukh. razvitie (1871–1941 gg.).* M., 2002.
- German A. A. Antinemetskie kampanii. *Nemtsy Rossii: entsikl.* M., 1999. T. 1.
- Dyakin V. S. Pervaya mirovaya voyna i meropriyatiya po likvidatsii tak nazyvaemogo nemetskogo zasiliya. *Pervaya mirovaya voyna: 1914–1918.* M., 1968.
- Erokhina O. V. Deystvie «likvidatsionnykh» zakonov v nemetskiikh poseleniyakh Oblasti Voyska Donskogo v 1915–1916 gg. *Ros. gosudarstvo, obshchestvo i etnicheskie nemtsy: osnovnye etapy i kharakter vzaimootnosheniy (XVIII–XXI vv.).* M., 2007.
- Istoriya rossiyskikh nemtsev v dokumentakh (1763–1992 gg.). M., 1993.
- Kadol A. N. «Nemetskiy vopros» v Rossii kak proekt kontseptsii «politiki naseleniya», 1914–1917 gg. *Vopr. germanskoy istorii.* Dnepropetrovsk, 2011.

- Kadol A. N. Doktrina nemetskogo shpionazha v etnopolitike tsarizma v period Pervoy mirovoy voyny i rol' zhandarmsko-politseyskikh vlastey v «nemetskom voprose» (na materialakh yuzhnykh guberniy Rossiyskoy imperii). *Dva s poloviny veka s Rossiey*. M., 2013.
- Kizhaeva T. A. Diskriminatsiya nemtsev Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny. *Klyuchevye problemy istorii ros. nemtsev*. M., 2004.
- Lindeman K. E. Zakony 2-go i 13-go fevralya (ob ogranichenii nemetskogo zemlevladieniya v Rossii) i ikh vliyanie na ekonomicheskoe sostoyanie Yuga Rossii. M., 1916.
- Lykosov M. V. Problema razvitiya Rossii v russkoy konservativnoy pechati v gody Pervoy mirovoy voyny, iyul' 1914 – fevral' 1917 g.: diss. ... kand. ist. nauk. Novosibirsk, 2006. URL: www.dissercat.com/.../problema-razvitiya-rossii-v-russkoi-konservativnoi-pechati-v-gody-pervoi-mirovoi-voiny-iyul.
- Mandzhgaladze G. Kh. Nemetskie kolonisty v Zakavkaz'e: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tbilisi, 1970.
- Martirosyan D. G. Rossiyskie nemtsy na Kavkazskom fronte Pervoy mirovoy voyny. *Ros. nemtsy v inonatsional'nom okruzhenii: problemy adaptatsii, vzaimovliyaniya, tolerantnosti*. M., 2005.
- Nelipovich S. G. V poiskakh «vnutrennego vraga»: deportatsionnaya politika Rossii (1914–1915). *Pervaya mirovaya voyna i uchastie v ney Rossii. 1914–1918*. M., 1994. Ch. 1.
- Nelipovich S. G. Nemtsy na rossiyskoy voennoy sluzhbe: istoricheskiy i istoriograficheskiy fenomen. *Nemtsy Rossii v kontekste otechestvennoy istorii: obshchie problemy i regional'nye osobennosti*. M., 1999.
- Nelipovich S. G. Problema neloynosti rossiyskikh nemtsev v konfliktakh XX v.: istoriografiya voprosa i krug istochnikov. *Nemtsy Rossii i SSSR. 1901–1941 gg.* M., 2000.
- Nikitinskiy I. I., Sofinov P. Nemetskiy shpionazh v Rossii vo vremena voyny 1914–1918 gg. M., 1942.
- Obolenskaya S. V. Obraz nemtsa v narodnoy kul'ture XVIII–XIX vv. *Zhurnal Samizdat*. 2004. URL: www.samlib.ru/o/obolenskaja_s_w/obraz.shtml.
- Plokhotnyuk T. N. Deystvie «likvidatsionnykh» zakonov na Severnom Kavkaze v 1915–1917 gg. *Nemtsy Rossii v kontekste otechestvennoy istorii: obshchie problemy i regional'nye osobennosti*. M., 1999.
- Reshetov D. G. Nemetskie kolonisty zapadnykh guberniy Rossii, deportirovannyye v Povolzh'e v gody Pervoy mirovoy voyny. *Migratsionnye protsessy sredi rossiyskikh nemtsev: ist. aspekt*. M., 1998.
- Savinova N. V. Rossiyskiy natsionalizm i nemetskie pogromy v Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny: 1914–1917 gg.: dis. ... kand. ist. nauk. SPb., 2008. URL: www.dissercat.com/.../rossiiskii-natsionalizm-i-nemetskie-pogromy-v-rossii-v-gody-pervoi-mirovoi-voiny-1914-1917-g.
- Semennikov V. P. Romanovy i germanskyye vliyaniya vo vremena mirovoy voyny. L., 1929.
- Sobolev I. G. Bor'ba s «nemetskim zasil'em» v Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny: dis. ... kand. ist. nauk. SPb., 1998. URL: <http://www.dissercat.com/content/borba-s-nemetskim-zasilem-v-rossii-v-gody-pervoi-mirovoi-voiny#ixzz3IHkU6zCa>.
- Florinskiy M. F. Krizis gosudarstvennogo upravleniya v Rossii v gody pervoy mirovoy voyny (Sovet ministrov v 1914–1917 gg.). L., 1988.
- Kholkvist P. «Total'naya mobilizatsiya i politika naseleniya». *Rossiya i Pervaya mirovaya voyna*. SPb., 1999. URL: voencomuezd.livejournal.com/66428.html.
- Cherkazyanova I. V. Vopros o sud'be nemetskoy shkoly Rossiyskoy imperii v gody Pervoy mirovoy voyny. *Nemtsy Rossii i SSSR. 1901–1941 gg.* M., 2000.
- Chernova T. N. Problema loynal'nosti i tolerantnosti rossiyskikh nemtsev v gody Pervoy mirovoy voyny. *Ros. nemtsy v inonatsional'nom okruzhenii: problemy adaptatsii, vzaimovliyaniya, tolerantnosti*. M., 2005.
- Shrader T. A. Rezul'taty agrarnoy politiki tsarskogo pravitel'stva v Petrogradskoy gubernii v gody Pervoy mirovoy voyny. *Migratsionnye protsessy sredi rossiyskikh nemtsev: ist. aspekt*. M., 1998.
- Shubina A. N. Otnoshenie vlasti i obshchestva k probleme tak nazyvayemogo nemetskogo zasil'ya v Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 2012. URL: www.hist.msu.ru/Science/Disser/Shubina.pdf.
- Etnokonfessiya v sovetskom gosudarstve. Mennonity Sibiri v 1920–1930-e gg.: emigratsiya i repressii / sost. i nauchn. red. A. I. Savin. Novosibirsk, 2009.